

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ РАННЕЙ ГОРОДСКОЙ ИСТОРИИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЕДИЕВИСТОВ

Проанализирован опыт изучения урбанизационных процессов в средневековой Западной Европе в исследованиях отечественных медиевистов 1960–1980-х гг. Рассматриваются ведущие подходы к пониманию многообразия путей и форм генезиса средневекового города как основа для построения локальных исторических типологий зрелого урбанизма. Предлагается гипотеза о концептуальной соотнесенности конкретно-исторических исследований медиевистов 1960–1980-х гг. с исследовательской стратегией, предложенной в концепции стадияльно-региональных типов М.А. Барга.

Современная историческая урбанистика представляет собой междисциплинарную область исследований, где рельефно прорисовываются несколько приоритетных векторов научного поиска: сравнительно-типологические исследования, изучение урбанизации в ее стадияльном развитии, обращение к локальной истории города, исследование в формате социально-контекстуального подхода. Все указанные параметры измерения городской истории обращены к пониманию феномена урбанизации, о чем сейчас говорят и историки, и социологи [13. С. 4]. В связи со столь значительным расширением исследовательского поля на практике все чаще обнаруживает себя слабое место, открыто признаваемое отечественными урбанистами: «...отсутствует единая методология, всеобщая теория городского развития, четко обозначенного единого предмета и содержания, общей модели, которая позволила бы связать отдельные локальные исследования, в недостаточном уровне обобщений, в безоговорочном принятии традиционных подходов и нетворческом заимствовании понятий и гипотез социологии, географии, экономики [12. С. 93].

При всей внутренней гетерогенности современной урбан-истории ее главные успехи все больше связываются со сравнительно-типологизирующим изучением городов и городского общества, с переходом от рассмотрения города как местного, изолированного явления к анализу его как части определенной общественной системы, с расширением спектра исследуемых городских проблем, с применением новейших методов социальных наук. Обращение к сравнительно-типологическому изучению феномена средневекового урбанизма приобретает новый концептуальный окрас, если увязать его с возможностями модернизационной макротeorии, активное освоение парадигмы которой признается одной из основных тенденций современной методологической ситуации и в отечественной историографии [11. С. 159]. Использование модернизационных моделей для объяснений исторического процесса открывает большие возможности в изучении таких сюжетов, которые содержат в себе материал для исследования процесса перехода от общества традиционного к обществу современному, от общества аграрного к обществу индустриальному.

Одной из проблем методологического характера, решение которой приближает нас к воссозданию целостного представления о европейской модернизации, можно назвать поиск путей достижения синтеза знаний теоретических и эмпирических, нацеленного на отказ от излишней социологизированности исторических интерпретаций. Ведь именно на основании научного

синтеза создаются концептуальные исследования, позволяющие осознать закономерный характер исторического развития [9. С. 7]. Попытки решения столь сложной задачи мы можем обнаружить в исследовательской практике таких медиевистов, обратившихся к изучению проблемы типологии путей и форм западноевропейского феодализма и урбанизма. Очевидно, что отечественные медиевисты шли путем накопления конкретно-исторического материала, постепенно осознавая необходимость выведения этого знания на уровень обобщений и конструирования моделей развития средневекового города с учетом их временной и пространственной принадлежности, что станет возможным лишь в конце 1980-х гг.

Благодатной почвой для постановки задач исторической типологии с середины 1960-х гг. становятся исследования по ранней городской истории стран Западной Европы, гармонично вписавшись в контекст формирующейся в те же годы макротeorии типологии раннего феодализма. Так, в 1966 г. была опубликована статья З.В. Удальцовой «Задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы», где подчеркивалось, что «...применительно к эпохе раннего Средневековья было бы очень плодотворно рассматривать возникновение и развитие городов в непосредственной связи с общей эволюцией всех общественных отношений той эпохи» [19. С. 63]. Выбранный нами историографический сюжет представляет интерес с точки зрения реактуализации проблемы наведения мостов между теоретическим знанием и знанием конкретно-историческим, обращающей историка к вопросу о природе и особенностях формирования и проявления исторических закономерностей, в данном случае – в процессе урбанизации в пределах бытования феодального (аграрного) мира.

Заметим, что проблема типологии генезиса городов отечественными медиевистами будет обозначена раньше, чем проблема типологии зрелых форм средневекового урбанизма [10], что имеет под собой веское основание: уже на ранней стадии своего развития средневековый город являл собой структуру, по своим функциональным свойствам не совпадавшую с логикой развития господствующего способа производства, содержащую в себе пока еще скрытый потенциал развития жизненных практик нефеодального типа. На протяжении нескольких десятилетий историки расширяли поиск ответов на вопросы в двух плоскостях – фактической (где, когда, каким путем и с помощью каких конкретных обстоятельств город возник, какими были его черты, облик, признаки как формы поселения и особой общности) и «казуальной» (почему

возник средневековый город и обрел те или иные свойства, каковы его общественные функции и особенности, место в феодальной системе и отличия как особой социальной структуры в рамках собственно феодального строя и стадии в ряду общей городской истории).

Параллельно с накоплением этого опыта формируется теоретико-методологическая основа исследовательской стратегии типологизации исторических явлений и процессов, и в этом ключе особый интерес представляет научное наследие М.А. Барга, считавшего, что «...если мы признаем действительным принцип, согласно которому метод задается предметом, то сама по себе объективная диалектика общего, особенного и единичного в любом из звеньев исторического процесса сталкивает историка с проблемой типологии [2. С. 205]. В апреле 1972 г. на расширенном заседании бюро Научного совета Сектора теоретических проблем всемирно-исторического процесса доктора исторических наук М.А. Барг и Е.Б. Черняк выступили с докладом о теоретическом содержании понятия «регион» и его применении к типологии социально-экономических формаций. Предложенная ими трактовка понятия «регион» не только как пространственно-географической, но и стадияльно-временной категории типологизации вызвала оживленную и плодотворную дискуссию [1].

Согласно данной концепции, под историческими типами следует понимать различные виды проявлений каждой из формаций, формирующихся под воздействием определенных закономерностей. В центре внимания здесь находится «вторичное» по отношению к общеторической стадияльной эволюции формаций проявление многообразия форм внутриформационного развития – его развертывание в пространстве, становящееся центральным ракурсом рассмотрения для внутриформационной типологии. Изучение региона как носителя разновидности формации, находящегося на конкретной стадии развития и диалектически взаимодействующего с другими такими же единицами, предполагает вычленение из исторической реальности самостоятельной исторической структуры (слоя), органично вписываемой авторами концепции в трехуровневую систему общественных отношений, построенную исходя «не из спекулятивного и произвольного разграничения уровней логического анализа, а из объективно существующих слоев исторической действительности (от сущностного субстрата до его проявления на ее поверхности), раскрывающихся в самом ходе процесса общественно-го развития [1. С. 45].

Интересующие нас исторические носители разновидности формации – регионы – рельефно проступают в своих границах на уровне изучения той исторической структуры, которая представляется авторам как сфера предметно-особенного, как историческая действительность, включающая как необходимые, так и случайные элементы и связи. Заметим, что в данном контексте понятие региона по смыслу не совпадает с географическим понятием, поскольку границы региона очерчиваются пределами территории преобладания, обусловленного степенью проявленности общественно-необходимых отношений формационного типа на той или иной стадии его развития, и в этом случае М.А. Баргом предлагается вводить в исследо-

вание понятие «стадияльный регион», представляющее интерес как последний неделимый объект на формационном уровне анализа общественных явлений в их пространственно-временном расчленении.

Основаниями вычленения этой единицы видится ряд конституирующих признаков, среди которых на первом месте – характер и масштабы внутриформационных отклонений от общественно-необходимых отношений, возникших под влиянием внутренней и внешней среды, а также взаимодействия той или другой; при этом, подмечается авторами, в случае неразвитости господствующего начала внешняя среда может стать составной частью конституирующих признаков региона [1. С. 59]. Выявление границ регионов с точки зрения количественных и качественных показателей обращает нас к анализу регионально-исторических процессов, число, размеры и конкретно-исторический облик которых не predetermined изначально и выявляются в процессе исторического развития, причем от стадии к стадии меняется не столько число регионов, сколько оказываются подвижным их территориальные границы.

Как показывает историографический анализ исследований отечественных медиевистов 1960–1980-х гг., занимавшихся проблемой генезиса городских общностей в странах Западной Европы, теоретически обоснованная категория региона «в работе» показала себя как достаточно гибкая и динамичная единица, выступившая самостоятельной носительницей исторического процесса. Интерес к региональным моделям урбогенеза на территории феодальной Западной Европы рос по мере того, как разрастался круг вопросов, рождаемых в ходе погружения в проблему «что есть средневековый (феодальный) город?», приобретаемая все более устойчивый характер в острополемиических дискуссиях с зарубежными коллегами, опирающимися на научное наследие немарксистского понимания путей и форм западноевропейского урбогенеза (заметим, что к середине прошлого столетия уже существовало более десятка теорий происхождения средневекового города, общим местом которых стал их «биографический» характер: каждый раз речь шла о типе первичного ядра или первичных элементов города. – *Прим. автора*).

Так, советский ученый Я.А. Левицкий, впервые в советской медиевистике в своих трудах запечатлевший один из важнейших экономических процессов эпохи феодализма – процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, стал автором марксистской теории возникновения средневекового города, вошедшей в некоторые западные учебники под названием «ремесленной», получившей оценку в зарубежной историографии как нетрадиционная, самостоятельная. Черпая аргументацию из весьма скудных материалов по истории раннего английского города и исходя из известного марксистского положения о том, что средневековые города как центры ремесла и торговли возникали в процессе отделения ремесла от сельского хозяйства, ученый ищет отвечающие базовым установкам марксистской концепции урбанизма параметры, по которым можно качественно «измерить» содержание процесса, именуемого «генезис города». Ранняя история английского города убеждает Я.А. Левицкого в том, что товарное производство в средневековом городе составля-

ло органическую и неотъемлемую часть феодального производства в целом, т.е. производства, охватывающего и город и деревню. Более того, появление города как центра товарного производства и обмена автор концепции предлагает рассматривать как критерий периодизации Средневековья: с появлением города заканчивается раннефеодальный период и начинается период развитого феодализма [5, 6].

Иную позицию занимает представитель саратовской школы С.М. Стам, выдвинув на первый план тезис об автономности города в системе феодальных отношений и даже его чужеродности феодализму [18]. Исследования С.М. Стама и его коллег по цеху М.Е. Карпачевой-Беляевой, Т.М. Негуляевой, Л.И. Солодковой охватывают собой историю городского развития Южной Франции и Северо-Западной Германии, и каждый раз в центре внимания – история одного города и прилегающей к нему области (выбираемых объектом исследования, судя по всему, исходя прежде всего из доступности и достаточности источникового материала). Такой подход был обоснован С.М. Стамом в одном из значительных трудов по ранней городской истории, где во избежание опасности произвольного отбора тех или иных черт или скольжения по поверхности явления (когда не выяснена до конца качественная однородность сопоставляемого материала) наиболее целесообразным увиделось «...выбрать один город, достаточно значительный и типичный для данного региона и, насколько возможно, на его материале проследить основные процессы развития» [16, 18]. Поиск эталона и конструирование полноформатных региональных моделей урбогенеза самостоятельными задачами исследования не ставились, поскольку акцент сознательно смещался в сторону решения вопроса о факторах необходимости и возможности рождения городского пространства в контексте генезиса феодализма, а рождение же собственно средневекового города в исследуемом регионе связывается с глубокими экономическими и социальными сдвигами в феодальном обществе X–XI вв. Исследовательским кредо саратовской школы стала убежденность в том, что средневековый город не явился результатом постепенной эволюции деревни или вотчины, монастыря или замка. Он родился из кризиса, из первого большого перелома в развитии западно-европейского феодализма. В основе же урбогенеза лежал кризис утвердившейся феодальной вотчины [17].

Говоря о типологии урбогенеза и ранней городской истории, нельзя не отметить вклад в решение проблемы ленинградским ученым А.Д. Люблинской, предложившей свой вариант классификации урбогенеза на материале городов Северной Франции, сфокусировав внимание на социально-политических процессах и диалектическом противоречии во взаимоотношениях города и деревни [7, 8]. В 1975 г. выходит в свет работа Л.А. Котельниковой «Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма», где автор пытается определить, насколько правомерна постановка проблемы о роли города в процессе генезиса феодализма, ведь «средневековый город как социальное явление в Европе в целом возникает лишь в X–XI вв., т.е. к концу периода раннего Средневековья и, соответственно, периода становления феодализма в западно-

европейском обществе?» [3. С. 100]. Исходя из того что урбанизм является необходимой составляющей генезиса феодализма, автор поставила перед собой задачу «...показать, как с момента генезиса феодализма и до конца этапа его зрелости феодальное общество страны испытывало на себе постоянное влияние со стороны рождающегося, крепнущего и, наконец, достигшего апогея в своем развитии средневекового города, который в то же самое время сам, в свою очередь, находился в гуще феодализационного процесса, проходил вместе с ним его этапы» [4. С. 16].

В обозначенном круге исследований общим местом можно увидеть саму логику построения исследовательской стратегии: авторы, используя материалы по ранней городской истории одного региона, сосредотачивают внимание на выявлении присущих феномену урбанизма исторических структур, образуемых общественно необходимыми отношениями и выступающими его существенным воплощением, субстратом, присущим всем сферам данной социальности: город как центр ремесла и торговли предстает альтернативой деревенскому миру. Объективно эти отношения признаются первичными как исторически, так и логически, представляя собой наиболее высокий уровень абстракции, уровень общего, а конкретное их проявление – средневековый урбанизм – рассматривается как вторичное, производное от «исторической среды», в которой кристаллизуются общественно необходимые отношения.

По мере восхождения к конкретной средневековой социальности в конструировании авторами европейского урбогенеза неизбежно исчезает их изначальная однородность, а вместе с тем «абстрактный характер материальности» городского образа жизни в контексте бытования феодального мира. Средневековый урбанизм западно-европейского образца, образ которого конструируется на материалах урбогенеза в отдельных странах, т.е. на стадии перехода от урбанизма античного образца, представляется абстракцией на более конкретном уровне, где как в онтологическом, так и в гносеологическом плане становятся явными признаки «феодальности» средневекового города, указывающей на самостоятельность существования этого исторического типа (стадии) урбанизационного процесса.

Сфера предметно-особенного как «историческая действительность, включающая и необходимые, и случайные элементы и связи» (по Баргу) во всем ее пространственном многообразии, сводимом в единую систему путей и стадий урбогенеза, становится объектом изучения только в конце 1980-х гг., когда проблема поиска общих (универсальных) параметров генезиса средневековых городов не только не утратила своей актуальности, но и вышла на новый уровень решения. Этому способствовало то, что, с одной стороны, накапливаемый историографический опыт неизбежно обнажал лакуны в этой исследовательской стратегии, побуждая к углублению и расширению изучения вопроса; с другой же стороны, этот сложный для понимания и объяснения исторический сюжет становится тем исследовательским полем, где историки начали ревизию теоретико-методологической базы уходящей эпохи господства марксизма.

В этом ключе представляет интерес статья А.А. Сванидзе «Генезис феодального города в ранне-

средневековой Европе: проблемы и типологии», поставившем под сомнение ряд общепринятых положений о движущих силах и периодизации процесса, а также предложившем оригинальную типологию градообразования [14]. В ряду урбанистов советского периода имя А.А. Сванидзе ассоциируется с антропологически ориентированным взглядом на традиционные сюжеты о производительных силах и производственных отношениях, готовностью творчески интерпретировать и использовать возможность марксизма как метода, способного рождать наукообразные обобщения.

Своей задачей автор видит «рассмотрение региональных различий в развитии данной структуры (явления, института и т.д.) в целом и отдельных ее сторон в связи с особенностями общих и конкретных условий и факторов воздействия. При этом подразумевается также наличие выработанных представлений как о свойствах, функциях, признаках изучаемой структуры в ее наиболее зрелом, выраженном, «классическом» виде, так и о фазах процесса, совокупно с их критериями, т.е. свойствами, признаками, функциями данной структуры в каждой из фаз. Более того, А.А. Сванидзе подчеркивает более высокий уровень обобщения выстраиваемой типологии по сравнению с уже имевшимися в литературе «конкретными типологиями», обычно исходящими из первичных функций и, соответственно, характера изначального ядра, из которого вырос город: крепость, торжище, вотчинный центр, ремесленный посад и т.д.

Обращаясь к раннему Средневековью, которое, заметим, считалось «негородским» периодом, автор ставит в центр своей работы проблемы: 1) о темпах и особенностях регионального развертывания генезиса городского строя; 2) о фазах и типологии градообразовательного процесса в раннесредневековой Европе. Главная методологическая посылка работы заключается в том, что средневековый город не мог рассматриваться лишь как итог складывания феодальных отношений, он был неотделимой составной частью генезиса феодального общества в целом, одной из формирующихся феодальных структур, исходная фаза которой относится к раннему Средневековью. Сам же средневековый (феодальный) город понимается автором в ключе отечественной историографической традиции как опора взаимодействия натурального и формирующегося товарного укладов, определявших особенности социально-экономической (и, опосредованно, политической) динамики феодального общества.

В ходе решения поставленных задач А.А. Сванидзе привлекает к сравнительно-типологическому анализу целый ряд факторов, среди которых есть как те, которые мы уже видели «в работе» (непосредственно связанные с ходом урбанизации, сыгравшие наибольшую роль в стимулировании экономических и социально-демографических условий общественного разделения труда), но есть и те «силовые линии», которые, как правило, находились на втором плане (деревенское ремесло и его потенциал, формирование социальной и политической структуры нового общества, с их институтами и учреждениями, вещным миром, военно-стратегическими сооружениями и т.д.). На первом же месте в иерархии критериев типологии

градообразовательного процесса – динамика, формы и уровни развития профессионального ремесла, затем – добывающих несельскохозяйственных занятий; далее по значимости автором выделяется торговля и все, что с ней связано (торговые связи, судостроение и мореплавание, торговое и купеческое право, пошлинная система, денежное обращение и монетная чеканка). Перечисленные параметры для уточнения степени «инаковости» той или иной модели европейского урбогенеза позволяют оценить характер и масштабы «отклонений» от общей модели средневекового урбанизма, возникших под влиянием внутренней и внешней среды, а также взаимодействия той или другой. Заметим, что фактор античного наследия предлагается рассматривать не как внешнюю по отношению к феодальной эпохе силу, а как фактор, оказавший влияние во всех областях общественной жизни, прежде всего в области созданных Античностью навыков ремесла и коммуникации, техники торговли и городского устройства. Более того, автор видит возможным и необходимым расширить постановку вопроса о наследии или преемственности, включив в него – применительно к нероманизированным или слабо романизированным территориям – варварские традиции, воплотившиеся в формировании догородских очагов «виков» и других остаточных либо переходных градообразных типов, сложившихся в условиях варварских обществ с их переходной от родоплеменного к классовому строю средой.

На основании проведенного анализа, наложив друг на друга и сопоставив все обнаруженные ранее регионально-стадиальные совокупности, А.А. Сванидзе выделила зоны и фазы градообразования. К первой зоне отнесены страны с доминирующим воздействием поздних римско-эллинических начал (Византия, Пиренейский полуостров, Италия, Южная Франция), где урбогенез распадается на три фазы (разлагающийся античный полис; «переходный» или [возникающий] ранний город; с X в. – феодальный город), представляя процесс перехода от античного полиса к средневековому городу как постепенное создание нового качества, далекого от прямого континуитета и от механического сплава старых античных и новых варварских начал. Причем автор диалектически подходила к оценке роли города в этом регионе, отмечая, с одной стороны, его тормозящую роль в феодализационных процессах, а с другой – ускоряющую социально-политическую эволюцию региона.

Выделение второй зоны в нероманизированных районах впервые в средневековедении приобщило Северную Европу к общеевропейскому градообразовательному процессу с ее замедленным развитием урбанизма и феодализма в целом, в силу преобладания варварских начал в этой зоне. Особенностью называется множество типов градообразных поселений, что в известной мере отражало определенный этап градообразования, фиксируя и индивидуальные особенности возникновения города. Ранние города этой зоны в конечном итоге образовали здесь своего рода великое торговое полукольцо, которое начиналось от Северной Франции, британских проливов и Фландии, захватывало Балтийское море, затем продолжалось вдоль Днепра и Волги. Все это были неаграрные по-

селения численностью до 1000 и более жителей, органично вписывавшиеся в формирующуюся систему феодальных отношений. Фазы градообразования здесь выделены уже не три, а четыре, при этом стадия феодального градообразования в нероманизованной зоне также связывается с XI–XII вв., т.е. снова на тот же период, когда в зоне происходило сложение феодальных классов, государства и специфической хозяйственной организации.

На особенности градообразования в третьей зоне – регионе Северной Галлии (Восточная Франция и Западная Германия, территория между Луарой и Рейном) – решающее воздействие, по мнению автора, оказала другая комбинация выявленных факторов: примерно уравновешенные традиции греко-римского и варварского общества; меньший масштаб разрушений в ходе военно-колониционных процессов раннего Средневековья; «буферная» транзитная (как стратегическая, так и торговая) роль данного региона, которая заметно усилилась с VII–VIII вв. Преобладающая модель организации городского пространства здесь – феодальные города как средоточия ремесленно-торговой жизни, королевские и епископские резиденции, оборонительные центры против норманнов и венгров. Их развитие не только стало обгонять развитие ряда городов романизованной зоны, но в конечном итоге оно получило более завершённый феодальный характер, чему в немалой степени было обязано более

гармоничному сочетанию как античного и варварского начал, так и традиций и нового.

Вышеобозначенные конструкты легли в основу авторской концепции коллективного труда «Город в средневековой цивилизации Западной Европы» [15], где окончательно формулируется новое понимание роли города в генезисе феодализма: вместе с формированием феодальных отношений возникает и городская жизнь в виде новых урбанистических элементов и ранних средневековых городов. В рамках такой интерпретационной схемы понятие «ранний город» становится вполне правомерным, найдя свое место в общем процессе урбанизации в средние века и получив конкретно-историческую характеристику, насытившую богатым содержанием категорию стадийных регионов, в границах которых протекали урбанизационные процессы западноевропейского образца, более рельефно раскрывая историческую феноменальность урбанизма в целом.

Исследования А.А. Сванидзе органично вписались в логику предложенной М.А. Баргом в рамках авторской концепции внутренней типологии формаций исследовательской стратегии, задавшей вектор постижения столь важной для историка диалектики общего – особенного – единичного в пределах отдельных исторических эпох. Сама же стратегия уже в 1970-е гг. успешно могла претендовать на роль универсальной теории «среднего уровня», применимой к различным историческим и географическим масштабам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барг М.А., Черняк Е.Б. Регион как категория внутренней типологии классово-антагонистических формаций // Проблемы социально-экономических формаций: историко-типологические исследования. М.: Наука, 1975.
2. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984.
3. Котельникова Л.А. Итальянский город раннего Средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // Средние века. 1975. Вып. 38.
4. Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии в VIII–XV вв. (по материалам центральных и северных областей). М., 1987.
5. Левицкий Я.А. Некоторые проблемы истории западно-европейского города периода феодализма // Вопросы истории. 1969. № 9. С. 91–101.
6. Левицкий Я.А. Английский город в XI в.: (к вопросу о происхождении английского средневекового города) // Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987.
7. Люблинская А.Д. Сельская община и город в Северной Франции в XI–XIII вв. // Средние века. М.: Наука, 1975. Вып. 38. С. 116–128.
8. Люблинская А.Д. Типологии раннего феодализма в западной Европе и проблема романо-германского синтеза // Средние века. 1968. Вып. 31. С. 9–16.
9. Мозильницкий Б.Г. Историческое познание и историческая наука // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 3–10.
10. Никулина Т.С. Новое в отечественной урбанистике: [Медиевистическая урбанистика] // История и человек: Сб. ст. / Ред.-сост. М.И. Леонов. Самара, 1998. С. 3–21.
11. Проскуракова Н.А. Концепция цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.
12. Ретина Л.П. История и социология: основные тенденции в современной англо-американской урбанистике // История и историки. Историографический ежегодник. 1980 / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1984. С. 88–111.
13. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. С. 3–46.
14. Сванидзе А.А. Генезис феодальных городов в раннесредневековой Европе: проблемы и типология // Городская жизнь в средневековой Европе / Отв. ред. Е.В. Гутнова. М., 1987. С. 17–114.
15. Сванидзе А.А. Средневековые города западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: В 4 т. / Отв. ред. А.А. Сванидзе. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма V – к. XI в. М.: Наука, 1999. С. 9–41.
16. Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII вв.). Саратов: Изд-во СГУ, 1969.
17. Стам С.М. Складывание социальной структуры средневекового города (XI–XIII вв.) // Средние века: Тезисы докладов на сессии Научного совета при Отделении истории АН СССР (Ленинград, 3–5 июня 1968 г.) // М.: Наука, 1971. Вып. 34. С. 256–273.
18. Стам С.М. Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города // Средневековый город: Межвузовский научный сборник / Отв. ред. проф. С.М. Стам. Саратов: Изд-во СГУ, 1981. Вып. 6. С. 3–19.
19. Удальцова З.В. Задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 61–70.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 11 декабря 2006 г., принята к печати 18 декабря 2006 г.